

Когда Лу Фэн воротился в деревню Пиньян, на землю уже пали густые сумерки.

После Лидуна дни стали совсем короткими, а ночи — студеными. Жители заперлись в своих домах; лишь кое-где во дворах лаяли собаки, почуяв случайного прохожего.

Но сегодня всё было иначе: у ворот его дома кто-то стоял. Человек мерил шагами дорогу, заложив руки за спину, и время от времени разражался бранью:

— Вдова Лу, не смей нос воротить! Я, считай, через себя переступил, сваху к твоему А-Фэну подослал, а ты всё молчишь! У А-Фэна глаза слишком велики или моя Чжаоди ему не пара?

Звали этого человека Бао Луншэн. Почти все в Пиньяне носили фамилию Бао: одни принадлежали к главной ветви рода, другие — к боковым. В главной ветви одно из поколений носило в именах иероглиф «Шэн» — как, например, пристав Бао Цюшэн или Бао Шуйшэн.

Бао Луншэн тоже был из главной ветви. Имя ему дали в честь Дракона, и он им несказанно гордился, всегда считая себя выше остальных. Да только вот беда: жена его не сдюжила и родила пятерых дочерей кряду — Чжаоди, Иньди, Паньди, Няньди и Сянди.

В прежние годы, когда в государстве Лян царил порядок, мужчины и женщины были равны, и при разделе земли наделы давали всем. Но в последнее время жизнь стала тяжелее. Законы формально не менялись, да только люди стали поступать по-своему: семьи, где рождались одни девки, землю наследовать больше не могли.

Предки Бао Луншэна оставили ему добрые угодья, но без сына эти земли рано или поздно пришлось бы вернуть общине. Он извёлся от беспокойства и решил взять в дом зятя-примака. Односельчан из рода Бао он и даром не хотел: те годами над ним потешались, что сына родить не может, и он не желал давать им повода. К тому же, если взять примака своей крови, тот со временем мог и вовсе землю отобрать — такие случаи бывали.

Брать чужака из дальней деревни он опасался, а потому присмотрел Лу Фэна. Тот был из переселенцев, без опоры и родни; мать-вдова ослепла — таким парнем легко будет помыкать. Потому Бао и заслал сваху.

Да только Данян Лу на предложение так и не ответила. Видя, что его старшая Чжаоди уже в годах, Бао Луншэн не вытерпел. Сегодня он снова притащил сваху, но Данян Лу лишь промолчала в ответ. Взбешённый, Луншэн прибежал к их дому и принялся честить вдову на чем свет стоит.

Лу Фэн сразу узнал Бао Луншэна и понял, к чему тот клонит. Он прекрасно знал пятерых сестер Бао: девицы были одна другой сварливее. А уж Бао Чжаоди — та и вовсе с детства была черна душой; всё подговаривала деревенских девчонок издеваться над его матерью. Разве такая может стать доброй женой?

Лу Фэн стремительно подошёл к калитке и тяжело посмотрел на Бао Луншэна.

— Моя мать добра сердцем, потому и не говорит тебе всё в глаза. А ты припёрся к нам под двери и бранишься. Что ж, скажу я: мы хоть и бедны, но в примачи я не пойду. Моя фамилия Лу, и мои дети тоже будут Лу.

Бао Луншэн едва не задохнулся от возмущения. Он всегда презирал Лу Фэна, а теперь и вовсе перешёл на язвительный тон:

— На себя-то посмотри! Гнешь спину в карьере за гроши, дом и тот снимаешь. Кто за тебя пойдёт? Да у тебя даже на свадебные дары денег не наскребётся!

— Не твоя забота, сколько у меня денег. Скажу один раз: твои дочери мне не нужны, — отрезал Лу Фэн.

Бао Луншэн от ярости трижды выдохнул «хорошо!».

— Ну и делай по-своему! Только помни: здесь деревня Пиньян, земля рода Бао. Перейдёшь мне дорогу — не видать тебе добрых плодов!

Лу Фэн скрестил руки на груди, ничуть не испугавшись. Он понимал, что род Бао вовсе не един под началом этого человека, а угрозы Луншэна — пустой звон. Тот даже Бао Шуйшэна не смог заставить выгнать их из дома.

Видя, что парень не боится, Бао Луншэн лишь злобно бросил: «Погоди у меня!» — и убрался восвояси.

Данян Лу вздохнула в доме:

— А-Фэн, зря ты так резко.

Лу Фэн понимал мать: им ещё жить в этой деревне, и ссориться с Бао не стоило. В другое время он бы промолчал, но сегодня, побывав с Цуй Яном на складе Ваньло, увидев мастерские и размах дела, он загорелся мечтой. Он тоже хотел чего-то добиться.

Пусть не такого масштаба, как у Цуй Яна, но хотя бы свою мастерскую. Чтобы кормить себя и отплатить матери за всё, что она для него сделала.

Цуй Ян сегодня подробно всё объяснил, и Лу Фэн всю дорогу обдумывал эти слова. Если обучиться ремеслу да не лениться, развозить товар по горным деревням — за год можно выручить немало.

Он зашёл в дом и улыбнулся матери:

— Матушка, я сегодня мир повидал, и мысли у меня появились хорошие. Всё получится. Вот разбогатею, уедем мы из Пиньяна, купим лавку и заживём.

Данян Лу поначалу подумала, что сын просто её утешает, но, выслушав его рассказ о том, что увидел, не на шутку разволновалась. Она вспомнила о своём решении держаться подальше от Цуй Яна, вспомнила совет дяди Цю и прошептала:

— И впрямь, за нужным человеком пошёл.

Лу Фэн тоже был доволен. Он поставил вариться кашу из батата и, вспомнив поручение Цуй Яна, взял ключи и отправился в старый дом пристава Бао, чтобы забрать продукты из кухонного шкафа.

Уходя, он не заметил, что Бао Луншэн в дурном расположении духа отошёл недалеко. Тот обернулся и увидел, как парень по-хозяйски заходит в дом пристава, а возвращается с двумя мисками в руках.

Луншэн, не зная правды, тут же решил, что Лу Фэн нечист на руку и попросту обкрадывает Бао Цюшэна.

«Бесстыдник», — мысленно выругался он. Поднимать шум Бао не стал — в голове его созрел иной план.

Спустя день Цуй Ян вернулся в деревню Пиньян. Вместе с ним шёл Лу Фэн, неся на коромысле корзины с рыбой. За ними следовали двое помощников с инструментами для заготовки сяна.

Вся компания вошла во двор. Цуй Ян принялся деловито распределять припасы: чаны для просушки определил в восточную комнату, стеллажи частью поставил в главном зале, частью разнёс по боковым пристройкам. Оставшийся инвентарь разместили в парадной.

Он даже приволок несколько старых каменных плит, отмыл их до блеска родниковой водой и оставил сохнуть во дворе.

Закончив обустройство, помощники откланялись, но Лу Фэн остался. Бао Луншэн, всё это время подглядывавший через щель в заборе, вытянул шею. Он увидел, как Цуй Ян и Лу Фэн уселись на низкие скамьи. Цуй Ян втирал соль в рыбу и что-то негромко объяснял.

Лу Фэн слушал, затаив дыхание. Спустя время Цуй Ян передал ему рыбину, позволяя

попробовать самому.

Тут Бао Луншэна осенило. «Так вот оно что! — подумал он. — Неужто вчера Лу потому отказались от свахи, что нашли себе высокую опору?»

Бао Луншэн недовольно хмыкнул и зашагал прочь, по неосторожности пнув камень у ворот. Цуй Ян, обладавший острым слухом, удивлённо глянул на калитку. Лу Фэн понял намёк, вышел за ворота и увидел удаляющуюся спину Луншэна. Лицо его тут же потемнело.

— Что стряслось? — спросил Цуй Ян.

Лу Фэн не хотел говорить, но под настойчивым взглядом Цуй Яна сдался. Он вкратце пересказал вчерашнюю историю и добавил:

— В этой деревне на мою семью всегда смотрели свысока. Я давно зарёкся идти к кому-то в примаки.

Цуй Ян замер. Вспомнив слова У Мосюаня, он подумал: «А ведь этот У недаром носит имя, в котором трижды помянута чернота — накаркал, словно ворон».

— Если я и женюсь, то возьму жену в свой дом, как положено мужчине, — твердо добавил Лу Фэн.

Цуй Ян вздрогнул. «Жениться? Детей завести?»

Он знал, что Лу Фэн не такой, как он сам — со своими странными думами и неясным будущим. Лу Фэн был самым обычным, честным мужчиной. А для мужчины создать семью, продолжить род — дело естественное, само собой разумеющееся. Но когда эти слова сорвались с губ Лу Фэна, в груди Цуй Яна что-то болезненно сжалось. Стало горько и кисло, сердце заняло в тоскливом предчувствии.

Он поспешно опустил голову.

Заметив перемену в его настроении, Лу Фэн встревожился:

— Что с тобой? Неужто утомился в дороге? Ты ведь только оправился от болезни, тебе бы отдыхать, а не со мной возиться.

Эти заботливые слова отозвались в душе ещё большей болью. Цуй Ян представил, как в будущем Лу Фэн будет так же нежно заботиться о жене и дочках. Горло перехватило. Он не мог открыться, а потому лишь выдавил вымученную улыбку:

— Да я просто... впервые слышу, чтобы ты о свадьбе говорил. Какую же девушку ты хочешь в жены?

— Ну... — Лу Фэн замялся. Честно говоря, он об этом не раздумывал. Но раз уж Цуй Ян спросил, пришлось ответить всерьез: — Чтобы была умной, работающей, с добрым сердцем. Чтобы была искренней. Красота — дело десятое, хотя если будет мила собой, то и славно. Но главное — чтобы меня не стыдилась.

— Тебя? Да как такого человека можно стыдиться! — Цуй Ян вскинул голову и почти с жаром возразил.

В его прекрасных глазах на миг мелькнула печаль. Заметив это, он снова потупился, но тут же испугался, что это выглядит подозрительно, и снова посмотрел на Лу Фэна.

От этого взгляда у Лу Фэна внутри что-то дрогнуло.

Умная, работающая, добрая, искренняя, красивая... Цуй Ян подходил под каждое слово. И уж точно его не стыдилась.

«Эх, будь Цуй Ян девушкой...» — мелькнула шальная мысль, и Лу Фэн сам испугался своего воображения. Будь Цуй Ян девицей, разве могли бы они вот так просто сидеть рядом и знать друг друга?

Он мысленно обругал себя за глупость и, встретив взгляд друга, улыбнулся:

— Ты меня совсем захвалишь. Смотри, вознесусь до небес, зазнаюсь и дело испорчу.

— Какое еще дело? — невольно вырвалось у Цуй Яна.

Лу Фэн не понял подтекста и просто указал на рыбу:

— Ну, соли переложу, к примеру.

— А! — Цуй Ян опомнился и мысленно обругал себя за мнительность. Лу Фэн — человек серьезный, не чета его фантазиям. — Не бойся, я за тобой пригляжу, ничего не испортишь.

— Ну и ладно, — весело отозвался Лу Фэн, продолжая работу.

Цуй Ян ушёл в восточную комнату, вымыл руки и достал бумагу с кистью. Следом он выложил аптекарские весы, на которых обычно взвешивают снадобья, и принялся отмерять соль.

— Итого: десять крупных горбылей, пятьдесят мелких, сотня миюев и сотня илиш. Вес запишем, соль рассчитаем по весу — для каждой рыбины своя мера. Всё в книгу занесем.

Пока Цуй Ян писал, Лу Фэн заглянул через его плечо и вздохнул:

— Красиво ты пишешь. А я вот... — он хотел сказать, что грамоты не знает. Но вдруг замер: некоторые иероглифы казались ему до боли знакомыми.

Цуй Ян отложил кисть. Он помнил, что Лу Фэн когда-то учился. Его отец работал в карьере, но не владел им, а значит, не считался торговцем — Лу Фэн вполне мог грызть гранит науки и даже метить в чиновники. Каменщик Лу успел дать сыну начатки образования, отдал в частную школу, да только после его смерти ученье пресеклось.

По идее, Лу Фэн должен был позабыть всё детское, но сейчас Цуй Ян увидел: парень что-то помнит. В душе Цуй Яна шевельнулась надежда: а вдруг через книги Лу Фэн сможет вспомнить и остальное?

— Брат Лу, грамота — дело нехитрое, я тебя выучу. Правда, отец мой из купцов, так что канонам я не обучен — только письму да счету. Ты уж не обессудь.

Лу Фэн просиял. Купцы народ грамотный, а ему в будущем с ними дела вести, так что такая наука — самый сок.

— Да как я могу обижаться? Благодарить должен! Нет, я должен поклониться тебе как учителю!

«Не хочу я быть твоим учителем!» — кольнуло в сознании Цуй Яна. Он поспешно замахал руками:

— Да брось ты, какой из меня наставник. Знаю-то всего ничего. Спрашивай о чем хочешь, всему научу.

Так и потекло время: днем Лу Фэн метался между карьером и старым домом пристава Бао.

Зимой в карьере наступило затишье — после всех бед заказов поубавилось. Каменщики больше бездельничали: вырубил дневную норму плит и свободен.

Лу Фэн вставал с первыми лучами солнца, бежал к Цуй Яну: перебирал сян, выносил на просушку то, что требовало солнца, оставлял в тени то, что должно сохнуть на ветру.

Потом — работа в карьере, под вечер — сбор рыбы, а по ночам — уроки грамоты у Цуй Яна и помощь в записях.

Зима в землях Юэ была капризной: то холодные ветры налетят, то затяжные дожди зарядят, а перед холодами вдруг припечет солнце на пару дней.

Деревня Пиньян стояла в горах, здесь всегда было свежее, горный воздух быстро уносил жар, так что на рыбу потепление не влияло.

Другое дело — склад Ваньло. Уезд Юэчжоу лежал в низине, в жару там становилось душно, на верхних ярусах температура зашкаливала, и за рыбой нужен был глаз да глаз.

Цуй Яну пришлось вернуться в город. Перед отъездом он доверил пиньянский сянь Лу Фэну, надавав уйму ценных указаний.

Особенно он опасался сырых дней. На складе Ваньло сушили в помещении, там влага не так страшна — если станет совсем сыро, можно и подсушить искусственно. В Пиньяне условий для этого не было: сушка на углях могла испортить продукт, рыба пропиталась бы гарью.

Цуй Ян подробно описал, как сушат рыбу на складе, и велел Лу Фэну самому придумать, как обустроить процесс в западной пристройке.

Лу Фэн обещал, что всё будет в лучшем виде.

Так пролетел месяц. Когда они встретились вновь, первая партия сяня на складе Ваньло была уже готова к отправке, а пиньянская рыба только начала обретать нужную форму.

<http://bllate.org/book/17486/1712860>